Порядок прохождения воинской службы в Черноморском казачьем войске в 80-х годах XVIII – 30-х годах XIX вв.

Прочее

Социальные отношения в Черноморском войске могут изучаться также при рассмотрении порядка прохождения военной службы на протяжении ряда десятилетий. Переходя к этому вопросу следует прежде всего отметить основные особенности отбывания военной службы в Черноморском войске по сравнению с Запорожьем.На Запорожье неженатое казачество, т.е. серома, в основной своей массе в мирное время несло службу в составе сечевого гарнизона или выделяемых им команд. Для серомахи это часто служило средством для существования, так как он получал вознаграждение в виде жалованья, а иногда и снаряжение из куренных запасов.На Кубани не существовало гарнизона, подобного сечевому запорожскому. Таким образом, здесь несостоятельный или малосостоятельный казак, так же как и богач, должен был служить за свой счет. Поэтому в период между отбытой и наступающей «очередью» черноморский серомаха вынужден был добывать не только прожиточный минимум, но и тот резерв средств, который мог бы обеспечить исправное несение очередной службы. Эта перемена была серьезной причиной еще большей (по сравнению с Запорожьем) экономической зависимости и бесправия черноморской бедноты.Черноморец, обладавший известным состоянием, продолжал, как и на Запорожье, нести службу за счет своего хозяйства, однако с тем различием, что, разоряясь, он уже не мог перейти в разряд свободных от военной службы посполитых. На Кубани посполитых не было. Для всего казачества в целом после переселения

на Кубань увеличились военные тяготы. Это объяснялось тем, что Черноморское казачье войско, заняв Черноморскую кордонную линию, должно было держать под ружьем в полной боевой готовности высокий контингент казаков, меняя его поочередно, а также принимать участие в бесчисленных экспедициях.Хотя, как видим, сечевые запорожские порядки были отменены, однако внешне главная резиденция черноморского Коша — Екатеринодар — была подобием Сечи. Она представляла собой крепость с соответствующими сооружениями, артиллерией и прочее. Крепость, так же как и Сечь, имела площадь, посреди которой возвышался Троицкий собор, исполненный в традиционном украинском архитектурном стиле. У площади были расположены дома и землянки войсковой администрации, арсенал, склады и т.п. Вокруг площади, как в свое время в Сечи, стояло сорок низеньких длинных куреней — казарм. В современном документе, в так называемом «Порядке общей пользы», выработанном в январе 1794 г. старшиной, читаем: «По войсковой дисциплине, ради собрания войска, устроения довлеемого порядка и прибежища бездомовных казаков ... выстроить сорок куреней». Эти курени имели названия, одноименные с куренными селениями.Таким образом, курени имели двоякое назначение. Они служили казармами для являвшихся на очередную службу казаков, для отдельных команд различного, по преимуществу караульного, назначения, и в то же время были квартирами, ночлежными домами для бесприютной, бессемейной серомы. Бездомный казак, проживавший в екатеринодарском курене вне очередного исполнения службы, не имел прямого отношения к расположенной в том же курене команде, находившейся на формировании или исполнявшей караульную службу.Черноморский курень сближали с сечевым запорожским только некоторые внешние, административные детали. Во главе черноморского куреня также стоял выборный куренной атаман. Он избирался только присутствовавшими в курене казаками. Следовательно, на его избрание не могла оказать влияние беднота, бродившая по территории Черномории в поисках заработка, работавшая по найму в хуторах, на рыболовных промыслах и т. д. Куренной атаман, в отличие от сельского куренного

атамана, т. е. старосты сельского казачьего общества, должен был иметь «безотлучное пребывание» в екатеринодарском курене. Обязанности куренного атамана так определялись «Порядком общей пользы» (п. 5). Атаман должен был, во-первых, «по нарядам начальства на службу казаков чинить немедленное выставление» и, во-вторых, «случающиеся между куренными людьми маловажные ссоры и драки разбирать голословно и примирять, с доставлением обидимой стороне справедливого удовольствия, а за важное преступление представлять под законное суждение войсковому правительству». Таким образом, в первом случае куренной атаман исполнял мобилизационные и другие военно-административные распоряжения высшей войсковой администрации, являясь посредником между войсковым правительством и куренным сельским обществом. Во втором случае он отправлял обязанности судьи, с ограниченной компетенцией, и исполнителя судебных решений по отношению ко всем казакам, жившим в данный момент в екатеринодарском курене. Это превращало екатеринодарский курень в определенный судебный и вместе с тем полицейский участок. Следовательно, бездомный казак, проживавший в курене, подлежал юрисдикции куренного атамана лишь в отношении суда и расправы, т. е. в обычных, так сказать, общегражданских: отношениях.Стремясь повысить авторитет куренного атамана, «Порядок общей пользы» (п. 6) постановлял: «Все обретающиеся у войска старшины без должности, какого бы ранга ни были, и казаки, состоя под управлением своего куреня, да повинуются атаману и товариществу». Впрочем, это положение имело весьма ограниченное практическое значение для членов куреня, не состоявших на очередной службе, так как в одних случаях они подлежали юрисдикции сельского куренного общества и его исполнительных и судебных органов, а в других — юрисдикции войскового правительства.Ежатеринодарский курень как средоточие безработных серомах, представлял собой своеобразный рынок рабочей силы. Одновременно он давал приют безработным и старым, а также увечным серо-махам, обеспечивая им лишь неуютный кров в ненастье, но отнюдь не пропитание. По заявлениям казаков, участвовавших в волнениях 1797 г.,

сырые и полутемные курени заростали летом бурьяном и покрывались мхом.В большинстве случаев бездомный казак находился в курене только при очередном наряде и до приискания работы. Бывший запорожский портной-подмастерье Г. Кравец на допросе в 1798 г. показывал, что после прихода в 1793 г. на Кубань он «обращался: по войсковой земле в заработках прошлого 797 года до Троицына дни, тогда же определен опять в курень, в коем на службе находясь прошлого марта 27 числа наряжен в караул» и т.д. Отбыв очередь, Кравец снова отправился на заработки. Черноморец, К. Завальный, бывший крепостной князя Любомирского, выходец, из Польши, показывал в 1798 г. на допросе, что после переселения: войска на Кубань он жил в Полтавском куренном селении и ходил, на заработки на Ачуевскую косу; в начале сентября 1798 г. прибыл в Екатеринодар и жил там в Полтавском курене, а 20 сентября с своим товарищем И. Ганиченко перешел к казаку Гаркуше «для квартирования». То же слово в слово повторил и Ганиченко.Казак Переяславского куреня И. Чабанец, допрашивавшийся В 1795 Г., так изложил историю своего посвящения в черноморские «рыцари». Крепостной польского магната Браницкого, он еще в детстве бежал с чумаками со двора помещика. Скитаясь по разным местам, Чабанец нанимался «в услужение». Попав в 1794 г. в Екатеринодар «и приписавшись в Переяславский курень, он нанялся, для продолжения службы за козака того же куреня Андрея Мовчана на кордон Курки».Поставка наемников на военную службу в Черноморском войске — явление, резко бросающееся в глаза. И в этом нет ничего необычного. Биографические данные позволяют видеть одних и тех же лиц и на Запорожье, и на Кубани в роли нанимателей или наемников. Запорожец Павел Нестеренко, посылавший вместо себя на войну в 1768—1774 гг. казака, так же поступил и после того, как записался в черноморцы. Переселившись на Кубань, он «нанял на свое место казака, который и поныне беспеременно состоит».Бывшие запорожцы, вступая в Черноморское войско, как правило, стремились записаться в прежний курень. В черноморских куренях собиралось старое запорожское «товарищество». Тут запорожец-наниматель встречался со своим «товарищем» — батраком и,

стало быть, восстанавливалась та «идиллия» казачьего «братства и равенства», о которой так настойчиво твердит Ф. Щербина и другие буржуазные авторы. Запорожец Мышастовского куреня Павел Легкий, находившийся в «годовом услужении» у куренного атамана Ивана Смешного, вступил при образовании Черноморского войска в тот же Мышастовский курень. Не получая жалованья, он поступил «в годовое услужение» на хутор к бывшему запорожцу, а затем черноморцу Марку Чумаченко. У Легкого, таким образом, менялись только лица и фамилии хозяев, социальное же положение его оставалось неизменным.Черноморская воинская часть по своему социальному составу представляла не менее сложное явление, чем запорожский курень или команда. Относительное обилие документальных данных позволяет отразить это явление в строгих цифрах. Обратимся к ведомости от 15 июля 1790 г., составленной в период, когда войско находилось между Бутом и Днестром. Она содержит опись жителей одиннадцати черноморских казачьих селений (Терновки, Беляевки, Калаглеи, Коротной, Кучургана, Яски, Сугаклеи, Карагач, Слободзеи, Чеборчи, Глинной). В описи строго различаются казаки, отправляющие службу лично и нанимающие вместо себя других. В последнем случае указывается имя и фамилия наемника и название воинской части, т.е. куреня. Приведем типичные образцы. У семейного казака Трофима Чернобая «наймит на службе в коннице в курене Каневском Прохор Сениленко». У казака Николы Лаштобеды «нанятой на службе козак Василий Кузьменко в курене Сергиевском». Один из работников казака Якова Дундука — Семен Шестопал — состоял на службе в Васюринском курене. У казака Левка Кумпанейца, кроме работника Андрея Живолупа, «был еще на службе нанятой козак Панас Минченко в конной команде в курене Корсунском». У казака Михаила Гаркуши, имевшего двух работников, «на службе нанятой казак Василь Черный в конной команде в курене Полтавском» и т.д. В ряде случаев, количество которых, впрочем, весьма невелико, в семье значится «товарищ» хозяина. Иногда эти «товарищи» состоят от данной семьи на службе. Так, в упомянутой ведомости против имени семейного казака Василия Тарана

значится: «Товарищ его на службе в пехоте в курене Кущевском». У другого семейного казака Давида Самброщенко «на службе товарищ его прописанный Сиволап в пешей команде в курене Васюринском». Есть основание думать, что «товарищ» — это зачастую не что иное, как замаскированный наймит.В деловых бумагах более раннего происхождения номенклатура экономически зависимых элементов сложнее. Вот любопытный документ от 1789 г. под названием: «Журнал для вписывания Войска верных казаков черноморских конной команды, коих старшина или коих казак сам хозяин или на чьих лошадях и с которого числа на службе состоит». В этом журнале, очень попорченном временем, значатся, в частности, служащими на лошадях других: казак Яким Федоренко — за Василя Супереку, Иван Великий — за Дмитра Основу, Ерко Дехтеренко — за Давида Перехриста и т.д. Некоторые казаки записаны служащими на повозке других. Например: Илько Рябый — на повозке Ивана Радича, Назар Снигирь — на повозке Ивана Тягуна и т.д. В аналогичном документе встречаются записи и в другой редакции: некоторые казаки служат на лошадях других старшин и казаков, а некоторые на своих лошадях, но за других. Кроме того, за некоторых служат просто «работники». Иногда на лошадях одного хозяина-казака служило несколько казаков, или «работников». Так, за войскового есаула Сутыку служило на его лошадях три казака. Полковой есаул Трофим Рахмановский выставил на своих лошадях пять работников, а полковой есаул И. Копейка — двух.Анализируя указанные факты, совершенно бесспорно можно установить частые случаи службы казаков и просто работников на хозяйских лошадях. Так как невозможно предположить наличие аренды лошади для отбывания военной службы безлошадным казаком, ибо безлошадный, как правило, служил в пехоте, в гребной казачьей флотилии или в качестве орудийной прислуги в артиллерии, то, следовательно, лицо, служившее на лошадях или на повозке хозяина, в основном тождественно простому наемнику, отбывающему службу в коннице. Социальный состав казаков усложняется лишь в том смысле, что некоторые из наемников, имея семьи и известное хозяйство, считали свою службу за других лишь временным подспорьем. Для бессемейной же и бездомной

казачьей голытьбы служба за другого была часто пожизненной профессией.По данным первого журнала наемника имел только один из старшин, остальные наемники принадлежали казакам. Общее количество наемников по отношению к общему количеству служащих за себя старшин и казаков приближается к 9%. В общей же массе находящихся на службе наемники составляют около 8%. По другому журналу количество наемников у старшин к общему количеству старшин, состоящих на службе, составляет более 40%, а общее количество наемников у казаков к числу служащих за себя казаков равняется приблизительно 16,5%. Общее количество наемников к общему количеству служащих за себя (казаков и старшин) составляет около 18%.Необходимо отметить, что наемники составляли около 50% к числу служащих за себя казаков. В общей же массе служащих они составляли около одной трети. Эти колебания нужна объяснить тем, что во время войны (1787—1791 гг.) в зависимости от хода военных действий начальство прибегало к массовой мобилизации всего военноспособного казачьего населения. В таких случаях богатый и зажиточный казак не мог воспользоваться своей обычной привилегией ставить казака за себя или был стеснен в этой возможности. После Ясского мира и переселения Черноморского войска на Кубань (1792— 1793 гг.) характер воинской повинности казачества несколько изменился. От боевых операций на суше и на море войско перешло к несению пограничной, кордонной службы. По правому берегу Кубани от ее низовьев до устья Лабы длинной линией вытянулись сторожевые посты. По данным анонимного автора, в 90-х годах XVIII в. таких постов-кордонов насчитывалось 22. К На каждый кордон выставлялось несколько десятков казаков.Общее количество казаков и старшин, переселившихся на Кубань в 1792—1793 гг., по официальным данным, составляло 12645 человек (в это количество вошли, кроме военноспособных, престарелые, инвалиды и малолетки). Через десятилетие, в 1802 г., на Кубани уже насчитывалось 23 579 казаков. Какой тяжестью ложилась на плечи казачества военная повинность, можно иллюстрировать табл. 8, 9, 10, составленными на основе официальных данных, взятых,

например, из рапорта Черноморского войскового правительства от 1 июля 1794 г.Таким образом, в 1794 г. на каждом кордоне стояло до 50 казаков. При этом служащие казаки составляли половину всего годного к военной службе населения.В 1797 г. картина несколько меняется, в этом году число казаков на кордонах удваивается, на 40% повышается и состав гребной флотилии. Тысяча казаков участвует в походе против Персии. Без малого две трети всего военноспособного казачества несет службу. К 1802 г. положение резко меняется. В противоположность 1794 и 1797 гг., когда казаки участвовали сначала в польском, а затем в персидском походах, 1 тыс. строевых была распущена по домам. Кроме того, на 1 тыс. сократилась флотилия; были распущены также команды, выставляемые на непредвиденный случай. Это последнее объясняется тем, что до середины первого десятилетия XIX в. закубанские горцы не проявляли активности и войсковая администрация могла всецело положиться на кордонную стражу. Количество кордонной стражи в 1797 и в 1802 гг. удваивается по сравнению с 1794 г., но остается стабильным за пятилетие 1797—1802 гг. Все это в связи с удвоением общего количества казаков снижает количество служащих в массе годных к службе казаков почти до одной пятой. Четыре пятых годного к службе казачества обращается к хозяйственной деятельности. Прирост казачьего населения был очень важен для экономики края. Стабильность кордонных контингентов в этот период приводила к тому, что весь приток населения вливался в хозяйственное русло.Таким образом, перемена характера службы после переселения на Кубань заключалась в переходе к кордонной службе. Однако принципы отправления воинской повинности продолжали оставаться прежними. Кубанский кордон, рассматриваемый с точки зрения социальных отношений, господствовавших у черноморских казаков, представляет собой интереснейшее явление. У кордона царит ажиотаж купли-продажи военных услуг. Это признал даже войсковой атаман Т. Котляревский в своем обращении к войску 20 июня 1798 г.Приведем некоторые факты. Богатый и зажиточный черноморец широко пользовался правом выставлять наемников. Договоренное на кордон лицо официально вносилось в войсковые реестры.

Полковник Радич рапортовал 22 апреля 1797 г. войсковому есаулу М. Гулику: «По ордеру от вашего высокоблагородия казак Щербиновского куреня Емельян Майбороденко на службу в Подмогильный кордон за казака Кореневского Леонтия Бутенка принят». Казак Мышастовского куреня Алексей Белый на допросе в 1798 г. показал себя жителем казенного селения Александровского уезда, Новороссийской губернии. Уйдя от родителей в с. Чечелевку, он: поступил там «в услужение», затем перешел в слободу Петровку и, наконец, в 1789 г. стал черноморцем. Перейдя с войском в 1793 г. на Кубань, Белый был отпущен на заработки и весной 1794 г. уже служил «по найму за казака Ивановского куреня Кузьму Павлоградского — первее в Елисаветинском, а потом в Марьинском кордоне». Вот пример того, какое употребление черноморский «рыцарь» давал своему «пажу». Антон Логвиненко, крепостной из Александровского уезда, бежал вместе с другим крепостным в Херсон, где служил два года у одного мещанина, а в 1789 г. перешел за Буг к черноморскому казаку Батуринокого куреня Ивану Белоплеху, «в коего быв во услужении, записался в войско Черноморское в той же Батуринский курень». По вступлении в этот «орден» Логвиненко в 1793 г. со своим патроном, «со оным Белоплехом прибыл на пожалованную сему войску землю, а затем поставлен за его, Белоплеха, на Великомарьинском кордоне, где и поныне находится».Такой «паж», отслужив за хозяина, принимался потом служить «за себя», или наоборот. Если за хозяина он мог служить в коннице, то, разумеется, за себя служил или в пехоте, или в гребной флотилии. Семен Харченко на допросе в 1794 г. так рассказал свою- ординарную биографию: сын реестрового казака из Пирятинекосо уезда, он рано осиротел и t 10 лет проживал «в разных того селения Козаков в наймах». Позднее, выхлопотав документ, он отправился на Днепр, за пороги, и нанялся к бывшему запорожскому казаку Дмитру Половому, а в 1789 г. пошел в черноморцы и записался «в службу в сие войско в конную команду, где служил в Роговском курене за козака Ивана Кирпу один год, а по прошествии того термина, за отдачею прописанному хозяину лошадей, пошел в пехоту». После войны Харченко был назначен во флотилию,

с которой и пришел на Тамань. Уволенный «на собственное пропитание», он «нанялся у куренного козака Ивана Бочки конно служить на Марьинский кордон». Это, как видим, профессиональный воин-наемник, в конном строю сражающийся за хозяина, а в пешем и во флотилии — «за себя». Коллега Харченко по профессии и по происхождению, допрошенный одновременно с ним, Василий Лисаченко — наймит черноморца Семена Сюсюкало, также был «послан от него (Сюсюкало — В.Г.) конно служить в Новокатериковский кордон».Посылаемый на кордон наемник получал от хозяина, по установившемуся правилу, вооружение, лошадь со всем снаряжением, (если наемник нес конную службу), одежду продовольствие и денежное вознаграждение. Так как наем производился с ведома куренного атамана, то последний, в частности, обязан был следить за выполнением хозяевами некоторых условий договора. Из рапорта полковника Радича Котляревскому от 28 мая 1797 г. узнаем, что куренной атаман следил за регулярной доставкой нанимателем провианта. Эта мера со стороны начальства была совершенной необходимостью ввиду массового нарушения хозяевами своих обязательств.Конечно, решимость наймита подставлять за хозяина на кордоне свою грудь под пулю, кинжал или шашку была результатом безысходной нужды. Заключив договор, т.е. попав на известный срок в кабалу, он лишен был средств побудить хозяина выполнить договор. Признавая наем правомерным явлением, начальство одновременно относилось к нему, как к частной сделке. Следя обычно лишь за доставкой провианта, оно было совершенно равнодушно к другим условиям договора. Сам наемник, связанный военной дисциплиной, лишенный возможности прекратить несение службы до окончания срока, оказывался бессильным потребовать от хозяина аккуратного выполнения договора.Как ничтожны были затраты на содержание наемника для зажиточного хозяина, видно из того, что наемнику выдавалось самое худое и рваное одеяние (определенной формы одежды в этот период не существовало, из верхней одежды фигурируют обычно в документах свита, тулуп, грубой шерсти бурка и т.д.), что же касается денежной платы, то она колебалась в пределах от шести до

семнадцати рублей в год. При этом пехотинец получал меньше конника. Казак Иван Чабанец, например, служил на кордоне за шесть рублей в год. Казак Федор Верещенко за семнадцать рублей и т.д. При найме в конницу хозяин должен был доставлять и фураж — сено. В войсковом архиве мы находим массу документов, отражающих попытки начальства бороться с неисправностью хозяев в отношении доставки продовольствия и фуража. В таких случаях оно иногда прибегало к закупке фуража и продовольствия за войсковой счет с последующим взысканием с хозяев соответственных издержек. Подобные распоряжения мы находим в одном из предписаний Котляревского от февраля 1797 г.Иногда принимались меры с целью побудить хозяев выполнять и такое условие договора, как предоставление одежды. Старшина Радич в рапорте Котляревскому от 16 января 1796 г., т.е. в зимнее время, доносил, что казак Катериновокого кордона Кирилл Бондаренко, наймит казака Никиты Миргорода, не получает от хозяина «на прокормление фуражу и одеяния» и, ввиду этого, не может нести службу.Иногда начальство, бессильное самостоятельно добиться чего- либо от хозяина, человека обычно более чем уравновешенного и абсолютно равнодушного к нуждам другого, отправляло к нему самого наймита, которому предоставлялось собственными средствами вызвать соответственную реакцию у своего нанимателя. 29 марта 1799 г., например, казак Деревянковского куреня Ефим Воскресенский, служивший на Староредутском кордоне за казака Корнея Сову, был отпущен на пять дней в с. Гривенское для получения «от реченного хозяина для себя провианту и одежи». Трудно предположить, чтобы «господарь» Сова, увидев своего черноморского «джуру» Воскресенского у собственного порога в необычное время, проявил пылкое желание выполнить контракт. На радушную встречу не рассчитывал и наймит. Он попросту сбежал, благо сидел на хозяйской лошади. Попытки его начальника капитана Белого разыскать беглеца ни к чему не привели.Возникает вопрос: куда мог бежать Воскресенский? Исчерпывающий ответ на него дает пример казака Незамаевского куреня Фомы Гончаренко, привлеченного в ноябре 1799 г. к допросу за побег с Каракубанского кордона

в хозяйском тулупе и с хозяйским ружьем. Сын бедного бывшего реестрового казака, он вместе с отцом пришел в 1793 г. на Кубань с Украины и приписался сначала в Брюховецкий, потом, после смерти отца, в Незамаевский курень. Призванный в очередь, Гончаренко отслужил положенные полгода и отправился на заработки на хутор старшины Андрея Ревы «в годовое услужение». Прослужив у Ревы в работниках два года, Гончаренко затем нанялся за казака Петра Череду на Каракубанский кордон за 15 руб. в год, кроме харчей, одежды и оружия. Однако хозяин дал ему только три рубля. Вместо года Гончаренко простоял на кордоне полтора, обносился и впал в крайнюю нужду. Все его попытки требовать «неоднократно по договору от хозяина довлеемой заплаты или присылки на свое место другого наемника были безуспешны. Тогда Гончаренко бежал в чем стоял и с чем стоял на хутор своего первого хозяина Ревы. Разумеется, хуторянин был абсолютно безразличен к «правонарушению», совершенному Гончаренко, тем более, что последний попал на хутор в разгар сенокоса. Проработав на хуторе весь хозяйственный сезон, закончившийся молотьбой хлеба, Гончаренко перешел в другой хутор к казаку Алексею Кравченко. Когда через месяц куренной атаман нарядил Кравченко на кордон, тот вместо себя отправил наймита Гончаренко. Таким образом круг замкнулся: Гончаренко снова очутился на кордоне, но на сей раз не на Каракубанском, а на Кирпильоком, и не от Череды, а от Кравченко. Менялись пейзажи и физиономии хозяев Гончаренко, но его социальное положение оставалось неизменным.Бегство с кордона и вообще с военного поста было довольно частым явлением. При существовавшей непомерной эксплуатации наемники самовольным переходом от одного хозяина к другому пытались облегчить свое положение. Но хозяева прилагали все усилия, чтобы найти и вернуть беглецов. Казак Каневского куреня Федор Верещенко рассказал на допросе в 1798 г. историю своих скитаний с еще более сложными перипетиями, чем Гончаренко. Сын казенного поселянина из с. Берки, Миргородского уезда, Киевской губернии, сирота, он четыре года был наймитом у местного жителя, а в 1792 г. пошел на Дон, на заработки. До весны 1794 г. Верещенко работал на рыболовном

промысле донского казака Семена Черного, позже пришел на Черноморию, записался в Каневский курень и тотчас же нанялся на Павловский кордон за казака Василия Верещаку. Подлинного своего имени этот бродячий работник не назвал, а принял фамилию, как видим, одного из хозяев. Отслужив год за Верещаку, Верещенко нанялся на полтора года за казака Ивана Подмогильного на почтовую станцию Сенную. От Подмогильного перешел к старшине Деркачу, а через полгода уже стоял на Воронежском кордоне за казака Федора Куриленко. Бежав с кордона в апреле 1798 г., Верещенко прибыл в Екатеринодар и явился к каневскому куренному атаману Тихолозу, чтобы взять у него свидетельство для приискания заработка. Запасшись документом, он нанялся к казакам Прокофию Кравцу и Николаю Кулику на работу, а вслед за этим перешел к жившему в Екатеринодаре казаку Василию Савченко, который тотчас же послал его вместо себя в караульную команду. Через некоторое время Верещенко бежал к своему предыдущему хозяину Николаю Кулику в с. Подгородное, где договорился за 17 руб. в год стоять на Екатеринодарском главном кордоне. Но здесь он был опознан Василием Савченко, который, вероятно, искал сбежавшего наймита. Савченко схватил его и представил начальству. Верещенко был предан суду не как лицо, односторонне нарушившее гражданскую сделку, а как военнослужащий, самовольно оставивший пост.Весьма характерно, что хозяева посылали на службу своих работников, вовсе не заботясь о том, приписаны ли они к определенному куреню, т.е. числятся ли формально казаками, или обретаются в порах Черноморского войска, лишенные официального положения. Равнодушно было к этой формальности и начальство, принимавшее таких наемников.В Черномории в этот период царили «патриархальные» нравы. Василий Теняненко, он же беглый рекрут Мясников, как оказалось на допросе в 1798 г., прибыв в Черноморию, нанялся к казаку Корсунского куреня Тимофею Чмелю, имевшему хутор на р. Кирпилях. Чмель немедленно отправил его вместо себя на кордон по договору за 15 руб. в год. Теняненко не вполне вразумительно объяснил, чем он вызвал подозрение своего строевого начальника поручика Харченко. Но дело кончилось тем, что он был

арестован. Началось обычное следствие. Чмель, выгораживая своего работника, пытался сообщить ему официальное положение казака. При этом он сослался на любопытную бытовую деталь. Нанимая Теняненко, заведомо беглого, Чмель привел его к куренному атаману, который расспросил беглеца, убедился в отсутствии документов и велел записать его в курень. Был ли Теняненко оформлен черноморским казаком или не был, но ясно, что это — деталь, которой большого значения не придавали. Следующий случай полностью убеждает нас в этом. Иван Донец, родом из с. Столбцы, Промского уезда, Рязанской губернии, «шатаясь по разным местам», забрел в 1796 г. в Черноморию. В куренном селении Незамаевском он был нанят казаком Воликом на полтора года служить конно на Славянском кордоне. Отбыв срок за Волика, Донец нанялся снова на тот же кордон за казака Алексея Самарского-Зятя, но через некоторое время бежал. Пойманный и отданный под суд, Донец выслушал вердикт, проливающий свет на отношение казачьих властей к наемникам, не записанным в казаки. Войсковое правительство применило к нему не § 94 XII главы Воинского артикула, предусматривающий смертную казнь за побег из воинской части, а § 95, заменяющий смертную казнь наказанием шпицрутенами, если виновный является рекрутом, прослужившим в полку менее года. При этом и последняя норма была ослаблена таким истолкованием: «Но как он, Донец, шатаясь с 797 года по войсковой земле ни в какой курень не записан и на верность службы присяги не чинил, а был на кордоне по найму за казака Самарекого-Зятя, то по сим обстоятельствам и следуемое ему за побег по силе воинского 95 артикула уменьшить, и, вменив сидение под стражей два месяца в наказание за учиненный побег, равно и за то, что он при побеге своем уворовал у казака Сердеченко свидетельство, от атамана данное, в страх другим наказать на месте преступления плетьми двадцатью пятью ударами».Таким образом, черноморская старшина выработала свой собственный комментарий к имперскому воинскому артикулу. Казнь и шпицрутены заменялись относительно «легким» и «простым» наказанием плетьми. Приговоренных наказывали на кордоне в присутствии таких же наемников, как и они сами.

Это и понятно. Применение буквы закона к беглецам было невозможно, так как намного удорожило бы наемную силу и, значит, прежде всего затронуло бы интересы нанимателей. Между тем, нанимателем выступал не только нечиновный черноморец. Как в период русско-турецкой войны 1787-1791 гг., так и позже на Кубани выставлять наемников продолжала и старшина. В документах 90-х годов XVIII в. о кордонной службе встречаем следующее. Казак Васюринского куреня Калита служил на кордоне за поручика Глинского; казак Емельян Черепашенко, того же куреня, стоял на кордоне за старшину Емельяна Армянина. Оба бежали из-за недоставки хозяевами провианта и одежды. В этом же деле в списке кордонных казаков значится казак Титаревского куреня Иван Ногаец, который «служит за старшину Наума Шрама». К сожалению, трудно уяснить характер обязанностей этих наемников. Вероятно, старшина имела привилегию иногда вместо личной службы посылать на известный срок несколько рядовых казаков. В таких случаях она и выставляла на кордон наемников. Как бы то ни было, правящие и влиятельные круги черноморского казачества были кровно заинтересованы в сохранении института наемников, освобождавшего их от тяжестей военной службы.На тех же принципах отправлялась военная повинность и в требной казачьей флотилии. Черноморские моряки, прославившие российское оружие в боях с турками, сражались на знаменитых запорожских чайках. Эти легкие и грозные для врагов ладьи заполняла серома. Казак Крыловского куреня Гаврила Гумененко на допросе в 1795 г. показывал, что в 1793 г. он «поставил от себя на флотилию казака», которому обязывался доставлять провиант, а сам остался дома, в селении.В своем месте указывалось, что запорожский серомаха был преимущественно пехотинцем. То же нужно сказать и относительно черноморской серомы. При образовании Черноморского войска в основу комплектования частей по роду оружия был положен имущественный ценз. Кошевой Чепега в ордере от 19 апреля 1791 г. на имя полковника Леонтия Гулика о наряде казаков на службу предписывал: «Однако же смотреть, ежели кто могущественный, то велеть ему, искупивши лошади, вступать ко мне в конницу, а немогущественные в вышеописанную

пехоту».Иначе, разумеется, и не могло быть. Бедный черноморец, в особенности серомаха, с трудом мог приобрести снаряжение даже для службы в пехоте. Из таблиц о кордонной службе 90-х годов мы видели, что конница составляла приблизительно треть пехоты и флотилии. На кордонах же пехоты и конницы было равное количество. Если исходить из того, что самая маломощная часть казачества служила в пехоте, а также в известной мере и в коннице {в лице наемников, служивших на хозяйских лошадях), то можно сделать вывод о том, что строевой, боевой состав черноморского казачества в своей массе являлся экономически зависимым. Следовательно, тяжесть воинской повинности ложилась на бедноту, в особенности на серому.Черноморская пехота оказала крупные услуги регулярным частям и морскому флоту во время штурма о. Березани в 1788 г. Ее стремительность, поразительное бесстрашие и беззаветная отвага удивляли современников. Черноморская гребная флотилия, участвовавшая в знаменитом суворовском штурме Измаила, вписала славные страницы в боевую летопись русского войска. Выдающуюся роль черноморской пехоты вынуждены косвенно признать и дворянско-буржуазные историки казачества. Весьма далекие от применения принципа классового анализа истории казачества, они подчеркивали огромную боевую роль черноморской пехоты. Неизвестный автор первой половины XIX в. по этому поводу замечает: «Бывшие в войске бездомки (серомы), более привыкшие к военным трудам, презиравшие самую жизнь, алкавшие одних битв и добычи, отличнейшие стрелки, заняв первую цепь над самой Кубанью, в топких, гнилых болотах, заросших кустами, непроходимыми камышами, упражнялись там почти безвыходно звериною охотою...» «Они, бесстрашные воины, — продолжает автор, — названы пластунами. Ружье и подсох (род копья, несколько короче обыкновенного — В.Г.) составляли единственное их вооружение, искусство в стрельбе — всю славу». Такое положение на кордонной линии пехота сохраняла вплоть до пореформенного периода, т.е. до присоединения Северного Кавказа к России. Автор статьи «Пешие казаки» (вероятно, И. Попка) справедливо замечает, что тяжесть службы на лубанской кордонной линии, занятой Черноморским

войском, ложилась на пехоту и в позднейший период. Говоря о кордонной страже своего времени, он не забывает отметить: «Сюда поступают обыкновенно беднейшие люди». Ф. Щербина, повторяя своих предшественников, вносит одну важную деталь. В то время, когда так называемое линейное казачье войско специализировалось, в соответствии со своим географическим положением, на отправлении службы по преимуществу в конном строю и выработало тип превосходного наездника в Черноморском войске громадную роль играла пехота.Черноморский пластун, сменивший в свое время запорожский жупан на черкеску и сбривший по повелению начальства запорожскую чуприну, преемственно воспринял, сохранял и в новых условиях культивировал выдающиеся боевые качества запорожского серомахи. Наемный работник на казачьем хуторе, забродчик на рыболовном заводе и наемник в строю, он действительно был творцом и носителем боевой славы казачества. В нем, самом угнетенном и эксплуатируемом представителе трудового казачества, таилась неиссякаемая сила мужества и боевой отваги. За его спиной, за этой живой изгородью кубанского кордона текла мирная хозяйственная жизнь края. Ширилось скотоводство, развивалось земледелие, рыболовство, основанные на эксплуатации все той же черноморской серомы — «сіромашні». Не владельцам богатых хуторов и станичным аграриям, проникнутым страстью стяжания и капиталистического нак

Автор: Голобуцкий В.А.